

Помоть хлеба насушного

ПОСЛЕ
ЮБИЛЕЯ

В оперном театре все знают — Яниса Зариня всегда занимает нечто важное, значительное, актуальное. Об этом обычно он и ведет разговор. Темпераментно, а главное — с неупустимой логикой. Режиссеру только что исполнилось восемьдесят лет, но это не повод, чтобы уклониться от кипучей творческой жизни. Он не скрывает — физических сил стало меньше, и врач порою прописывает домашний режим. Но Янис Заринь человек настойчивый. Сейчас он приступил к работе над шекспировской пьесой в Художественном театре. Задумана она давно. Он считает, что никаких личных причин, тормозящих работу, не должно быть. Даже на утро в день юбилея назначена репетиция. Так что поздравить его из оперного театра пришли в девять. Первыми. Ведь он прежде всего связан с оперой; нынешней осенью будет ставить в этом театре «Турандот».

Утро в эти ветреные, ненастные дни выдалось ясное, чистое — как бы специально для юбилея.

Покидая уютную комнату. Я. Зариня на улице Ханзас, чувствуешь, будто ты увереннее, прочнее стоишь на земле. Режиссер считает, что его жизнь в искусстве состоит из двух половин. Пожалуй, не следовало так долго увлекаться оперой, надо было остановиться на драмтеатре. Тут хочется возразить — с именем Яниса Зариня в нашем оперном театре началась новая эпоха. Он первый режиссер латышской оперы, который руководствовался в своей режиссерской работе строго определенными принципами. С него начинается эра реалистически-психологических постановок. Он первый в Латвии создал прочную основу оперной режиссуры. Это — плод изучения методов работы больших артистов, выдающихся коллективов. Многое дал ему великий Станиславский. Янис Заринь видел «Евгения Онегина», поставленного Станиславским со студийцами на небольшой сцене в его особняке, побывал на репетициях, где великий реформатор театра излагал свое понимание оперного жанра. И сегодня, сравнивая впечатления, Янис Заринь ясно видит, что у Станиславского был такой же подход к опере, как у современного режиссера Фельзенштейна, который сейчас с большим успехом осуществляет свои постановки в берлинской «Комише опер». А именно — актерский элемент в опере сохраняет такое же значение, как в драматическом театре. Каждый участник спектакля должен столь совершенно владеть вокальной партией, чтобы при пении мог принять на сцене любое положение, любую позу.

Янис Заринь пришел к твердому убеждению: настоящий оперный режиссер сегодня немалым без умения свободно читать партитуру. Не в либрет-

Народный артист Латвийской ССР Я. Заринь.

Фото Ю. Куприянова

то, а в партитуре заложена драматургия оперы. «Ставить» оперный спектакль так, как это у нас еще порой практикуется, сейчас нельзя.

Художник самокритичен: нет, он, к сожалению, партитуру не читает. Клавиш — да. Но в наши дни у режиссеров есть великолепный помощник — грампластинки. На них записан почти весь основной оперный репертуар. Необходимо только чувство музыки. Янису Зариню оно никогда не изменяло. А если все-таки нет грампластинок? Тогда нужно самое тесное сотрудничество, взаимопонимание с дирижером. Откровенно говоря — отношение дирижера к каждой ситуации режиссер должен знать еще до того, как приступит к работе. Значит, первый этап — полностью освоить музыку, второй — расшифровать ее в определенной сценической форме, перевести на профессиональный язык театрального искусства. Эта мысль постоянно занимает режиссера. По его глубокому убеждению, это единственный путь к правдивости оперного искусства.

Оперные режиссеры других стран идут и иными путями, однако эти пути Янису Зариню кажутся менее приемлемыми. Он всегда старался следить за событиями в мире оперного искусства, оценивал их, сравнивал. Следит и сейчас. Больше всего ему дали русские и немецкие режиссеры. Французы и итальянцы он считает не столь убедительными. Хотя Висконти (известный так же как кинорежиссер) внес очень много нового в работу миланской «Ла Скала».

Янис Заринь многое видел, слышал, многое осмыслил, о многом размышлял. Его творческое беспокойство, его неприемлемость понятны: хотелось бы перенести на сцену оперного театра, в свой родной дом, все самое лучшее. Но для этого надо много энергии, сил. У молодых это есть, но нужна еще и готовность к самопожертвованию. У Яниса Зариня нет секретов, он охотно делится своими мыслями.

— Мы стали чрезвычайно консервативны. Сколько же можно ставить одну классику? Почему-то мы боимся вырваться... Наши соседи — эстонцы стали гораздо интереснее, современнее. Зритель жаждет со-

временности. Ведь написано около шестисот советских опер — разве нечего выбрать?

Как же театру продолжать работу? Поворот, наконец, должен произойти, и чем быстрее, тем лучше. Для того, чтобы творить, надо иметь хороший, полноценный материал. Материал для режиссера — это актер, талантливый, восприимчивый. Певец — актер особого склада, и с этим надо считаться. Однако если представителя старшего поколения, даже и не обладающего особым талантом, все-таки могут выручить профессиональные навыки, то молодежь приходит из консерватории невооруженной. Постоянно обновляется и состав хора. Как носить костюм, как сойти по лестнице, какими должны быть манеры — все это кажется элементарным, однако дается упорным повседневным трудом. Когда же всему этому учить? Решение этой проблемы, по мнению Яниса Зариня, в одном слове — студия! Опере необходима своя студия. Как хлеб насушенный. Актеру необходимы тренировки, он должен оттачивать оружие своего искусства. В противном случае — какое бы задание ни дал режиссер, оно будет выполнено теми скудными средствами, какие у кого имеются в запасе, а в результате рождается серость.

Такой разговор, пожалуй, мало подходит для юбилея. Нет, в день своего юбилея режиссер не говорил об этом, хотя эти мысли для него исключительно важны. Но праздничный пирог съеден, теперь можно отвратить и ломоть от хлеба насушного... Хлеб этот не сладок, зато полезен...

Наступает новый оперный сезон, в театр приходят новые люди. Их надо ввести в курс дела. А тем, кто работает не первый год, необходимо расти, совершенствоваться. И это не может не заботить Яниса Зариня — ведь наряду с постановкой в Художественном театре он скоро начнет репетировать «Турандот» в опере. И как всегда, ему будет недосуг думать о себе, о своем возрасте.

В. Бриде-Булавинова